

Тяжелый груз воспоминаний и неудобные «места памяти». Исследование коллективной и культурной памяти о событиях 17 января 1945 года в Варшаве¹

Эва Кристина Селлава-Колбовска*

Введение

Статью я начну с призыва к читателю предварительно ознакомиться с двумя статьями этого же номера журнала, а именно текстом Войцеха Полеца (*Wojciech Połec*) под названием «Культурная память в качестве определяющего отношения поляков к россиянам» («*Pamięć kulturowa jako wyznacznik postaw Polaków wobec Rosjan*»), а также текстом Илоны Голембевской (*Ilona Gołębiewska*), под названием «17 января 1945 года в Варшаве: представление событий в польских школьных учебниках по истории». Наши три статьи являются своеобразной трилогией, состоящей из обработки первых результатов исследований, проведенных в рамках проекта под заглавием «1944/1945 года в Варшаве — в коллективной памяти поляков и русских. Тяжелые коммуникативные воспоминания и неудобные места памяти».

Проект, который я начала с коллегами-социологами и студентами, весной 2010 года, на отделении гуманитарных наук Главной школы сельского хозяйства в Варшаве (SGGW), имеет несколько целей, две из которых претендуют на научность:

Первая цель. На примере событий 1944/45 года в Варшаве, прежде всего, вступлении Красной Армии в разрушенный город, показать закономерности коллективной памяти, такие как превращение коммуникативной памяти в память культурную, зависимость процессов увековечивания от политики, множественность повествований коллективной памяти и культурной памяти — иногда конкурирующих, иногда параллельных.

Вторая цель. Показать, «что осталось от прошлого», каково содержание коллективной памяти о событиях 17 января 1945 года. Ответить на вопрос — насколько эта память «разделена», и на сколько «разделяема».

Кроме того цели проекта касаются другой важной задачи — «построения исторического сознания» и охватывают:

1. обогащение архива свидетельств очевидцев событий, как «освобожденных» (поляков), так и «освободителей» (солдат Красной Армии), в результате проведения интервью с участниками событий.

* Эва Кристина Селлава-Колбовска, руководитель проекта «1944/1945 годы в Варшаве — в коллективной памяти поляков и русских. Тяжелые ресурсы общих воспоминаний и неудобные места памяти», профинансированного Министерством науки и высшего образования Польши, реализованного на кафедре социологии, отделения гуманитарных наук в Главной школе сельского хозяйства в Варшаве, e-mail: krystyna_siellawa_kolbowska@sggw.pl.

¹ *Trudne wspólnoty pamiętania i kłopotliwe miejsca pamięci* (польский) / *The difficult communities of remembering and the inconvenient sites of memory* (английский).

2. работу со студентами, осуществляющими исследования мест памяти, связанных с вступлением Красной Армии в Варшаву 17 января 1945 года.

3. презентирование результатов исследования на польско-российских семинарах с целью:

— представить феномены коллективной памяти обоих народов;

— сообща поразмышлять над «плохими» и «хорошими» повествованиями в коллективной памяти.

Почему 17 января 1945 года в Варшаве?

Хотелось бы пояснить, почему мы выбрали для наших исследований коллективной и культурной памяти варшавские события 17 января 1945 года. Они означали окончательный выход из Варшавы немецких войск и занятие ее союзническими польскими и советскими войсками. 17 января 1945 года столица Польши стала свободной от немецкой оккупации. В военном смысле, это не было крупной военной операцией в масштабе 1-го Белорусского фронта. Однако она вписалась в сложную и трудную символику, которая определяет процесс создания коллективной и культурной памяти об освобождении Варшавы и по сей день. Для исследователя социальной памяти это событие интересно с той точки зрения, что память (коллективная и культурная) об освобождении Варшавы формируется с 1945 года. Поэтому она охватывает две различные политические системы — реальный социализм ПНР (Польская Народная Республика) и демократию III РР² (Польская Республика).

Важным аспектом событий 17 января 1945 года была их скорая инструментализация советскими властями в 1945–1956 годах при согласии польских руководителей. Установка нескольких памятников прочно увековечивает вклад советских солдат в освобождение Варшавы, так что по сей день их присутствие вписано в пространство города. Однако, как пишет Алейда Ассманн, «Ее ресурсы (т.е., коллективной памяти — *доп. Е.С.К.*) невозможно радикально унифицировать или политически инструментализировать, так как по своей сущности они открыты для множественности интерпретаций». (Assmann, 1998) Поэтому именно это событие позволяет проследить многослойное сплетение дискурса идеологии, памяти, общественного самосознания, а также позволяет описать, что происходило позже в коллективной памяти с «установлением политического декрета» в 1945 году, какие ассоциации, а также повествования создавались и кем. Интересен также вопрос когда и с какой целью они укреплялись, насколько были эффективными, и вписывались ли они в механизмы создания коллективного самосознания и социальных групп, выдвижения одних и исключения других из общественной жизни и дискурса³.

С еще одной точки зрения события 17 января 1945 года в Варшаве являются для нас интересными. Это события из недавнего прошлого, их коммуникативная память может укрепить польско-российский диалог на тему истории соседства. Опыт военных тягот и борьбы дает шанс преодолеть перспективу монолога, ведущегося с позиции одного соседа, и перейти к диалогу и размышлениям над опытом другого соседа. Это событие

² Считается, что принятие, т.н. контрактным Сеймом, решения вернуть польскому государству название Польская Республика и герба в виде орла в короне, которое вступило в жизнь 31 декабря 1989 г., символически дало начало созданию т.н. III Польской Республики. Конституция РР от апреля 1997 г. в своей преамбуле содержит название Третьей Польской Республики.

³ Подобный вопрос задает и пытается на него ответить Мальвина Орепук (*Malwina Orepuk*), исследуя процесс создания общественной и культурной памяти о бомбардировках Дрездена, которое привело к кристаллизации символических рамок восприятия города. W: Skażona pamięć o bombardowaniach Drezna, Kultura Wspy zczesna, nr. 1/2010.

подходит для исследования культуры памяти как собственного, польского общества, так и российского, посредством их реального, взаимного влияния друг на друга, так как «они были у нас», а мы «были у них»⁴.

В то же время стоит помнить, что события 17 января 1945 года в Варшаве были восприняты коммунистическими властями, упрочены ими в городском пространстве посредством советских памятников и включены, тем самым, в «официальную» культурную память. Однако действия властей не уничтожили многослойного значения событий в общественном сознании. События, как и их культурные символы, создавали дифференцированное повествование, связанное с отношением поляков к советской власти, а после 1989 года, к российскому народу.

Что случилось 17 января 1945 года в Варшаве? — три перспективы

17 января 1945 года, подразделения 1-й Армии Войска Польского первыми вошли в Варшаву. Занятие города произошло без боя, главные немецкие силы покинули город раньше. Бои свелись к нескольким схваткам.

1. Советская перспектива.

Январь 1945 года был временем, когда советские войска перешли в наступление. Советские войска двинулись маршем на Берлин. Решение об освобождении Варшавы было результатом политических и военных калькуляций. В составе 1-го Белорусского фронта находилась 1-я армия Войска Польского. План нападения 1-го Белорусского фронта предполагал, что 48-я и 61-я армия Белорусского фронта замкнет внешнее кольцо окружения вокруг Варшавы. Затем удар должна была нанести непосредственно 1-я армия Войска Польского и первой взять Варшаву.

Город в январе 1945 года был совершенно разрушен, а жители Варшавы были выселены немцами. До 16 января 1945 года командование армии было уверено, что бой за Варшаву будет исключительно жестоким и кровавым. Когда 16 января произошло быстрое отступление немцев из Варшавы, советские власти все еще рассчитывали на эффект «освобождения в ходе тяжелых боев». 19 января 1945 года, после вступления советских и польских войск в Варшаву, был организован парад на развалинах. Учрежденную И. Сталиным в 1945 году медаль «За освобождение Варшавы» получило более 700 тысяч человек, среди них и солдаты 1-й армии Войска Польского. В 1945–1950 годах власти установили три памятника, увековечивающих вклад советских войск в бой за Варшаву. Во времена ПНР 17 января отмечался как День освобождения Варшавы, а партийная пропаганда ПНР утверждала, что советские войска имеют большие заслуги перед городом.

2. Польская перспектива.

События 17 января 1945 года в Варшаве, несмотря на небольшое стратегическое значение в перспективе всего Восточного фронта, и сравнительно с масштабом ведущих боев, по нескольким причинам имели для поляков, важное символическое значение:

А. Варшава как столица Польши стала свободной, хотя война еще шла. Несмотря на деградацию во время немецкой оккупации до роли провинциального города, Варшава осталась центром польской политической, интеллектуальной и культурной жизни. Она являлась штаб-квартирой Польского подпольного государства.

Б. Важными были события, предшествовавшие освобождению: оборона Варшавы в сентябре 1939 года, ход Варшавского восстания и капитуляция повстанцев 3 октября

⁴ Этот подход аналогичен принятому в польско-немецком проекте: *Polskie i niemieckie kultury pamięci w historii długiej trwania*. Nowe podejście do dziejów stosunków polsko-niemieckich. Patrzą: http://www.cbh.pan.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=46&catid=21&lang=pl

1944 года. Оба поражения (героические в восприятии поляков) не лишили Варшаву звания «Непокоренного города», каким ее считали не только поляки. Представитель оккупационных властей, генерал-губернатор Ганс Франк писал: «Если бы у нас в Генерал-губернаторстве не было Варшавы, то у нас не было бы 4/5 трудностей, с которыми нам приходится сталкиваться. Варшава есть и останется очагом бунта, точкой, из которой в этой стране распространяется смута».

В. События 17 января 1945 года в Варшаве стали политической картой для польских политических кругов, которых поддерживали советские власти. Варшавская операция, то есть, бои за Варшаву, имели свой политический сценарий, в котором была согласована роль, которую сыграла 1-я армия Войска Польского, сражающаяся в роли союзника Красной Армии⁵. Довоенный, демократически избираемый Совет столичного города Варшавы был заменен на Варшавский национальный совет, назначаемый партией⁶.

Г. В местном значении, 17 января 1945 года — это начало возвращения жителей Варшавы в город. Начинается новый этап — благоустройство польскими и советскими солдатами, а также гражданским населением разрушенной и заминированной территории. Изгнание населения Варшавы, осуществленное немцами в ходе, а также после окончания Варшавского восстания, имело беспрецедентный масштаб. Оценивается, что между августом и октябрём 1944 года немецкие власти выселили около 600 тысяч жителей, из них около 150 тысяч было направлено на принудительные работы вглубь Рейха или в концентрационные лагеря. (Getter, 2004) Однако население массово возвращалось в Варшаву. В сентябре 1945 года в Варшаве уже жило 422 тысячи человек⁷.

3. Немецкая перспектива.

Гитлер был заинтересован в сохранении Варшавы, которая занимала важное положение в берлинских стратегических планах. 28 сентября 1944 года — Верховное командование Сухопутных войск (ОКХ) объявило Варшаву крепостью, что, среди прочего, должно было оправдать уничтожение города с целью подготовки обороны, за которую отвечала крепостная дивизия «Варшава». Ничто не свидетельствовало о том, что немцы откажутся от обороны города. Однако, когда оборона немецких войск на Висле была прорвана, гитлеровское командование (ОКХ), из-за опасения перед окружением и уничтожением своих сил на Висле, 16 января разрешило группе армии «А» отступить от Вислы и Нарвы. Гитлер решения командования не принял и приказал защищать прежние позиции, среди них и Варшаву, но его приказы уже не могли остановить отступление немецких войск. 17 января 1945 года немцы с небольшими потерями покинули левобережную Варшаву, где было разрушено 84% зданий⁸.

Места памяти — общие или отдельные, «спайки» или «отбросы»?

Важным понятием в исследованиях культурной памяти является понятие «места памяти». Разумеется, оно, как и понятие культурной памяти, требует определения смыслового диапазона. Мы рассматриваем эту концепцию «мест памяти», не ограничиваясь лишь топографией, или материальными следами событий, сохраняя связь представлений, фантазий, образов прошлого с материальными пространственными объектами. Для их создания и/или аннулирования не достаточно того, что политический субъект провозгласит его «увековечивающим прошлое». Места памяти — это такие события из прошлого, у которых есть способность создавать связи, которые «кристаллизуют» групповую память. Поэтому местом памяти будет только такая форма, представление

⁵ В январе 1945 года 1-я армия Войска Польского насчитывала около 90 тысяч солдат.

⁶ Первое заседание Варшавского национального совета состоялось в подполье 19 января 1944 года. Были также мэры Варшавы, выдвинутые партией.

⁷ Nowa Encyklopedia Powszechna PWN, PWN, Warszawa, 2004 (tom 8).

⁸ Raport o stratach wojennych Warszawy. Warszawa: m.st. Warszawa, listopad 2004 r.

прошлых событий или материальных объектов, которая что-то для кого-то значит, в двойном смысле этого слова, то есть, наполнена смыслом и является ценной.

До того, как перейти к формулированию собственных исследовательских вопросов, я хотела бы сослаться на важную методологическую подсказку, сформулированную польскими и немецкими исследователями мест памяти. Они считают, что в исследовании мест памяти стоит учесть три важных аспекта: процесс конструирования мест памяти, историю мест памяти и функции мест памяти. Что касается истории мест памяти, то авторы хотят не только подчеркнуть различие между событием прошлого, либо его непосредственным восприятием, и его сегодняшним образом в современной памяти, но также исследовать и представить историю конструирования памяти на протяжении прошлое-настоящее. Если же говорить о третьем аспекте, то есть, функциях мест памяти, то они, прежде всего, относятся к коллективному самосознанию обществ⁹.

В наших исследованиях мы используем схожую схему исследовательского процесса. Представляя первые результаты анализа, я концентрируюсь на двух исследовательских вопросах. Первый относится к тому, «что осталось в прошлом», то есть, каково сегодня содержание памяти поляков о событиях 1945 года в Варшаве.

Второй вопрос касается динамики отношений поляков к памятникам советским воинам, а, значит, определение устойчивости и специфики такого рода «фигур» культурной памяти либо, используя другое понятие, — медиумов памяти (*Gedachtnismedien*)¹⁰.

И если анализ содержания памяти поляков будет служить описанию польской коллективной памяти, как упрочивающей определенный историко-общественный опыт, то понимание отношения поляков к памятникам советским воинам должно помочь определить их функцию и решить, занимают ли они место в почетном архиве культурной памяти, общественной традиции и коммуникации, или они являются «отбросами» на свалке памяти, пользуясь определением Алейды Ассманн. (*Assmann, 2009*) Поставить такой вопрос побудили результаты пилотажного полевого исследования, реализованного со студентами в 2008/2009 учебном году. В городском пространстве Варшавы было найдено три памятника советским воинам, увековечивающих события зимы 1945 года. Памятники оказались в большинстве активными местами памяти, которые все еще собирают разные группы. Включенное наблюдение с использованием визуальных техник, интервью с представителями городских учреждений, ответственных за содержание памятников, с представителями ветеранских организаций, с жителями, встреченными в районе памятников, а также интервью с очевидцами событий зимы 1944/45 года показали, что по прошествии более 60 лет эти места не забыты. Предварительное исследование без труда получило «хорошие» и «плохие» повествования, связанные с вступлением Красной армии в разрушенную столицу Польши.

Отдельным этапом исследования стал опрос общественного мнения в масштабе всей Польши на тему событий 17 января 1945 года в Варшаве, а также мнения относительно памятников советским воинам в Польше. Поэтому представленные результаты будут касаться всех поляков, а не только жителей Варшавы.

17 января 1945 года в Варшаве.

Образ событий в свете исследований общественного мнения

Для социолога предложение Пьера Нора (*Pierre Nora*) заниматься «историей второй степени» создает интересные исследовательские перспективы, так как его сущность заключается в постановке вопросов о возникновении коллективных представлений о прошлом, их устойчивости, но и тех тех изменениях, которым они подвергались и

⁹ Polsko-niemieckie miejsca pamięci / Deutsch-polnische Erinnerungsorte Reader dla Autorek i Autorów artykułów na temat polsko-niemieckich miejsc pamięci wydanie czwarte (czerwiec 2009 r.), S. 25.

¹⁰ В Польше историк Марцин Кула (*Marcin Kula*) использует очень широкий термин — носители памяти.

подвергаются. Применяя социологические методы, в том числе опросы общественного мнения, можно получить ответы на такие вопросы. Социологические исследования общественного сознания могут быть полезными при исследовании и анализе символического измерения прошлого, а также при анализе функционирования мест памяти. Социологические исследования памяти не должны сводиться лишь к анализу восприятия прошлого, а, начиная с описания того, что сейчас осталось от прошлого в сознании исследуемых людей, подвергать анализу дифференциацию образов прошлого, как и их обусловленность. Они могут помочь открыть и выяснить память «разделяемую» и «разделенную» в обществе и обществах¹¹.

Начнем с вопроса, который позволит нам оценить знание об интересующих нас событиях. Мы задавали полякам открытый вопрос: «Что, по Вашему мнению, произошло 17 января 1945 года в Варшаве?»¹² Мы получили расклад ответов, который свидетельствует о том, что события 60-летней давности, события, которые более 20 лет назад утратили в Польше «легитимацию» на всепольское чествование, все-таки сохранились в памяти значительной части поляков. Почти каждый третий самостоятельно сформулировал правильный ответ на этот вопрос, т.е., ответ, соответствующий историческому знанию. Таблица 1 представляет полный расклад ответов на этот вопрос.

Таблица 1. Знания поляков относительно событий 17 января 1945 года в Варшаве

<i>Что, по Вашему мнению, произошло 17 января 1945 года в Варшаве?</i>	<i>% ответы</i>
<i>Правильный ответ</i>	<i>31</i>
<i>Неправильный ответ</i>	<i>25</i>
<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>44</i>
<i>Всего</i>	<i>100</i>

Правильными ответами мы посчитали те, которые определяли события 17 января 1945 года как: освобождение Варшавы, либо вхождение советских и польских войск в Варшаву, либо вхождение Красной Армии, либо вхождение советских и польских войск, занятие Варшавы советскими и польскими войсками. Среди ошибочных ответов доминировали события, связанные со Второй мировой войной, такие как окончание Варшавского восстания, либо конец войны в Польше, либо окончание Второй мировой войны.

Мнение поляков относительно памятников советским воинам в Польше

Вместе с уходом свидетелей истории увековечивание истории переносится во внешнее пространство: ритуальное и материальное. Процессы материализации, ритуализации и институционализации памяти вызывают общественные реакции, люди имеют разное отношение к этой деятельности. Насколько, и имеем ли мы вообще, дело с постоянством коллективной памяти и коллективным представлением о прошлом? Дифференцированные реакции вызывают также более или менее решительные попытки декретировать, что стоит

¹¹ Ханс Хенниг Хан (*Han Henning Hahn*) спрашивает — зачем нам *histoire au second degré* в исследовании истории народа и истории взаимодействий? И отвечает: «История второй степени может пониматься как занятие своего рода *histoires croisees*, так как в центре ее внимания находятся различные связи с прошлым, различные формы передачи интерпретаций прошлого, взаимно обуславливающиеся способы произведения значений и создания ассоциаций, касающихся прошлого», *Kultura Współczesna*, nr. 1/2010.

¹² Исследования реализовал с 20 по 27 января 2010 года исследовательский центр CBOS, случайный отбор (персональный код — *PESEL*), случайная представительная выборка взрослых жителей Польши (18 лет и старше), N=1026 человек.

помнить, либо что сделать с неудобными памятниками прошлого. Как я упоминала ранее, события 17 января 1945 года вскоре были превращены в политическое повествование, которое, разумеется, различным образом переkreщивалось с повествованием свидетелей, как и повествованием коллективной памяти поляков. Власти быстро «увековечили» события 17 января 1945 года, среди прочего, посредством установления памятников советским воинам. Три самых больших и самых важных были созданы в 1945–1950 годах.

Проблема памятников советским воинам времен Второй мировой войны (1939–1945) приобрела специфическое значение по прошествии шестидесяти лет с момента окончания войны, и не только в Польше. В 2007 году в Таллинне, столице Эстонии, имели место громкие события в связи с переносом памятника советским воинам из центра города на кладбище. В это время в Польше оживленные дебаты вызвал один из проектов закона о декоммунизации, который предусматривал, среди прочего, снос подобных, немногочисленных уже памятников с улиц польских городов как символа «чужого господства». По вопросу памятников советским воинам, находящимся вне территории России, высказывались важные российские политики и российские власти. Проведенный в мае 2007 года опрос исследовательского центра *TNS OBOP* зарегистрировал «по горячим следам», что по этому поводу думают поляки. Исследования общественного мнения полезны в определении того, что памятники символизируют сегодня для поляков. По этой причине мы повторили вопросы на эту тему в исследованиях, проводимых в рамках нашего проекта. По

Таблица 4. Символика памятников советским воинам в Польше, по мнению поляков, в 2007 и 2010 годах

<i>В некоторых польских городах стоят памятники советским воинам. Являются ли для Вас лично эти памятники символом освобождения Польши Советским Союзом или символом порабощения Польши Советским Союзом?</i>		
	<i>Исследование произведенное в году:</i>	
	<i>2010¹³</i>	<i>2007¹⁴</i>
	<i>%</i>	<i>%</i>
<i>Являются символом освобождения Польши Советским Союзом</i>	<i>38</i>	<i>38</i>
<i>Являются символом порабощения Польши Советским Союзом</i>	<i>44</i>	<i>33</i>
<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>17</i>	<i>29</i>
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

¹³ Опрос провел *CBOS*, с 20 по 27 января 2010 года, на основе всепольской случайной представительной выборки (персональный код – *PESEL*) из 1026 взрослых жителей Польши (18 лет и старше).

¹⁴ Опрос провел *TNS OBOP*, с 10 по 14 мая 2007 года, на основе всепольской случайной представительной выборки из 1004 жителей Польши (старше 15 лет).

всепольской выборке поляков спросили напрямую: «Являются ли для Вас лично эти памятники символом освобождения Польши Советским Союзом или символом порабощения Польши Советским Союзом?» Таблица 4 показывает расклад ответов о символике памятников советским воинам в Польше.

В 2007 году в польском обществе небольшой перевес имели люди, для которых памятники советским воинам были символом освобождения (38%), а не порабощения (33%) Польши Советским Союзом. В свою очередь, в 2010 году главенствующей интерпретацией стало порабощение (44%). Уменьшилось также количество поляков, которые не могут определить своего мнения по этому вопросу. Наверняка, это они в 2010 году пополнили группу, воспринимающую памятники советским воинам как символ порабощения. Несомненно, мы имеем дело с ситуацией, в которой прочтение и интерпретация символики памятников советским воинам значительно разделяет поляков. С годами становится меньше тех, кого интерпретация затрудняет. В обоих исследованиях среди молодых людей порабощение немного преобладает над освобождением. В свою очередь, в группах среднего возраста в течение 3 лет ситуация значительно изменилась. В 2007 году интерпретация порабощения немного преобладала над освобождением, в то время как в 2010 году поляки средних лет явно чаще видели в памятниках советским воинам символ порабощения. Среди самого старшего поколения (50 лет и старше) в 2007 году освобождение явно преобладало над порабощением, в свою очередь, в 2010 году прочтение символики среди пожилых людей не отличалось столь сильно. В обоих исследованиях образование не имело систематического значения, в свою очередь, дифференцированное восприятие памятников как выразительного символа памяти зависит в Польше от места жительства. В деревнях, малых и средних городах явно преобладает повествование освобождения, а в больших городах — преобладает повествование порабощения. Оба опроса, в 2007 и 2010 годах, показывают, что самое сильное влияние на интерпретацию символики памятников имеют политические взгляды поляков, и срок длиной в три года ничего здесь не изменил. Среди опрошенных, придерживающихся левых взглядов, «освобождение» встречается в два раза чаще, чем среди опрошенных с правыми взглядами, а «порабощение» в два раза чаще видят в памятниках люди с правыми, чем с левыми взглядами.

Что необходимо сделать с памятниками советским воинам в Польше?

Связано ли с выявленными мнениями поляков относительно символики памятников также и одобрение ими определенных действий? Видимый символ порабощения, то есть, чужого господства, может раздражать, вызывать неприятные чувства, рессентименты, негативные стереотипы (антисоветские, антироссийские). Это может провоцировать к более или менее резким действиям как официальным (например, дипломатические ноты), как и неофициальным, спонтанным (вандализм, протесты). Можно пытаться эти памятники убрать из общественного пространства, можно пытаться их перенести на кладбище советским воинам, а можно оставить их на месте. Данные на эту тему мы получили в ходе трех замеров: первый — в мае 2007 года, второй — в январе 2010 года, и третий — в мае 2010 года. Таблица 5 представляет ответы поляков на вопрос: Что, по Вашему мнению, нужно сделать с этими памятниками?

Когда респондентов попросили, чтобы они выбрали одну из вышеназванных возможностей, то абсолютное большинство, в каждом из трех исследований, высказалось за то, чтобы оставить памятники на месте. Мы наблюдаем значительный рост количества сторонников такого решения. Их существенный прирост в начале мая 2010 года (75% в этот период), месяц спустя, после трагической катастрофы президентского самолета под Смоленском, мы можем считать показателем не только «потепления» польско-российских настроений в Польше, но и «смягчения» коллективной памяти поляков, поскольку явно уменьшилась группа сторонников переноса этих памятников на кладбища, а за их ликвидацию в 2010 году высказались незначительные 3% опрошенных. Слишком короткий

Таблица 5. Одобрение поляками определенных действий в отношении памятников советским воинам

<i>Что, по Вашему мнению, нужно сделать с этими памятниками?</i>			
<i>Ответы:</i>	<i>май 2010¹⁵</i>	<i>январь 2010</i>	<i>май 2007</i>
<i>Убрать их</i>	<i>3</i>	<i>10</i>	<i>8</i>
<i>Перенести на ближайшее кладбище советским воинам</i>	<i>16</i>	<i>27</i>	<i>28</i>
<i>Оставить на месте</i>	<i>75</i>	<i>59</i>	<i>57</i>
<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>6</i>	<i>4</i>	<i>7</i>
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

период, разделяющий отдельно взятые исследования, не позволяет делать твердые выводы относительно перемен в границах «коллективной памяти» поляков. Мы будем использовать этот показатель в следующих исследованиях. Насколько одобрение определенных действий в отношении памятников советским воинам связано с сильно дифференцированными среди поляков интерпретациями символики памятников советским воинам? Обращает на себя внимание тот факт, что среди поляков больше людей, которые выступают за то, чтобы оставить памятники на месте, чем людей, которые считают эти памятники символами освобождения.

Мы провели анализ и сравнили данные двух замеров — мая 2007 и января 2010 года. Таблица 6 представляет данные о зависимости между интерпретацией символики памятников советским воинам и одобрением определенных действий в отношении памятников советским воинам.

Очевидным видится тот факт, что те, для кого памятники являются символом освобождения, выступают в решительном большинстве (81% и 82%) за то, чтобы оставить их на своем месте. Но следует обратить внимание, что за оставление в 2007 году высказался почти каждый третий респондент, из тех, для кого памятники являются символом порабощения, а в 2010 году таких людей было около 40%. Респонденты, усматривающие в памятниках советским воинам порабощение, чаще всего выступают за перенос памятников на кладбища (47% в 2007 году и 44% в 2010 году). Даже те, для кого памятники советским воинам — это символы порабощения Польши Советским Союзом, намного реже высказываются за их ликвидацию (19%), чем за то, чтобы оставить их на месте (31%).

Подводя итоги, можно сказать, что поляки не хотят польско-русской войны за памятники. Но все-таки, может ли нам такая война угрожать? Памятники советским воинам в Польше являются примером своеобразных мест памяти. В перспективе польской и российской коллективной памяти они являются сегодня, как показывают наши исследования, скорее обособленными местами памяти, чем общими для поляков и русских. За их обособленность, как и за национальное слияние, отвечают, в большой степени,

¹⁵ Опросы проведены в январе и мае 2010 года. Главное исследование — зимнее, было проведено немногим позже 17 января, т.е., очередной годовщины освобождения Варшавы. Майское исследование было проведено после катастрофы под Смоленском, которая явным образом изменила польско-русские отношения.

Таблица 6. Зависимость между интерпретацией символики памятников советским воинам и одобрением определенных действий в отношении памятников советским воинам

<i>В некоторых польских городах стоят памятники советским воинам. Являются ли для Вас лично эти памятники символом освобождения Польши Советским Союзом или символом порабощения Польши Советским Союзом?</i>						
<i>Что, по Вашему мнению, необходимо сделать с этими памятниками?</i>	<i>Являются символом освобождения Польши Советским Союзом</i>		<i>Являются символом порабощения Польши Советским Союзом</i>		<i>Совокупность опрошенных</i>	
	<i>2007</i>	<i>2010</i>	<i>2007</i>	<i>2010</i>	<i>2007</i>	<i>2010</i>
<i>Убрать их</i>	1	4	19	16	8	10
<i>Перенести на ближайшее кладбище советским воинам</i>	17	12	47	44	28	27
<i>Оставить на месте</i>						
<i>Затрудняюсь ответить</i>	81	82	31	37	57	59
	1	2	3	3	7	4
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100	100

Коэффициент Крамера 0,36 $p < 0,000$.

историческая политика и учреждения — хранители культурной памяти. Их потенциал питается иссякающим ручьем коммуникативной памяти и активности, уходящих в мир иной свидетелей. Легко разжечь «войну памяти», особенно в отношениях международных, двусторонних, когда в перспективе «долгой истории» обе стороны испытали множество конфликтов. Такую ситуацию мы видим не только в польско-российских отношениях, но и в польско-немецких. У нас есть много свидетельств того, что поляки не хотят польско-российской войны памяти, а также восприимчивы и открыты для жестов примирения. В условиях демократии есть место для институционализации многих коллективных памятей, однако, необходимо помнить, что уходит поколение очевидцев событий Второй мировой войны, а его голос — коммуникативная память — угасает. Следующие поколения будут уже поколениями учебников и медийной памяти об этом самом трудном общественном опыте XX века. Как исследователи общественного сознания и культуры, мы также ответственны за институциональное построение коллективной памяти, заполнение в ней белых пятен и освобождение от отбросов токсичных идеологий.

Литература

Aleida Assmann (1998) Między historią a pamięcią / Pamięć zbiorowa i kulturowa // Współczesna perspektywa niemiecka. Universitas, Kraków, 2009.

Aleida Assmann. Formy i przemiany pamięci kulturowej / Pamięć zbiorowa i kulturowa // Współczesna perspektywa niemiecka. Universitas, Kraków, 2009.

Marek Getter. Straty Ludzkie i materialne w Powstaniu Warszawskim. BIULETYN Instytutu Pamięci Narodowej NR 8-9/2004. Oraz na podstawie informacji, dokumentów i relacji, znajdujących się w posiadaniu Fundacji «Polsko-Niemieckie Pojednanie». Fundacja «Polsko-Niemieckie Pojednanie», 2009.

Pierre Nora, «Czas pamięci», przeł. Wiktor Dłuski. Res Publica Nowa, 7, lipiec 2001.

Pierre Nora (1984) *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire*. Representations 26, spring 1989.

Polskie i niemieckie kultury pamięci w historii longue durée. Nowe podejście do dziejów stosunków polsko-niemieckich // Patrz: http://www.cbh.pan.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=46&catid=21&lang=pl

Polsko-niemieckie miejsca pamięci / Deutsch-polnische Erinnerungsorte (2009) Reader dla Auterek i Autorów artykułów na temat polsko-niemieckich miejsc pamięci wydanie czwarte.

Raport o stratach wojennych Warszawy (2004) Warszawa: m.st. Warszawa.

Zbrodnie okupanta w czasie powstania warszawskiego w 1944 roku (w dokumentach). Wydawnictwo MON, Warszawa, 1962.